**КИРЕЕВ
Антон
Александрович**

Кандидат политических наук,
доцент, доцент кафедры
политологии

Восточный институт –
Школа региональных
и международных
исследований,
Дальневосточный
федеральный университет,
ул. Суханова, 8, Владивосток,
Россия, 690950

**KIREEV
Anton
Aleksandrovich**

Ph.D. in political sciences,
associate professor, associate
professor of the Department
of Political Science
Oriental Institute – School
of Regional and International
Studies, Far Eastern Federal
University,
8, Sukhanova Street,
Vladivostok, Russia, 690950

antalkir@yandex.ru

© Киреев А.А., 2020

УДК 323

АГЛОМЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ И ПРОБЛЕМА (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ»)

В статье поднимается ряд научно-практических проблем, актуализированных широким использованием в тексте «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» категории «агломерация». Автор излагает свои позиции по вопросам, которые касаются места агломераций в пространственной структуре общества, трудностей их междисциплинарного изучения, методов выделения агломераций и описания их структуры, подходов к регулированию агломерационных процессов в условиях России и её дальневосточного региона. Обращается внимание на риски, связанные с высокой неопределённостью последствий стратегических преобразований российского пространства.

Пространственное развитие, стратегия, агломерация, город, российский Дальний Восток

AGGLOMERATION AS A TOOL AND A PROBLEM (NOTES ON THE MARGINS OF «SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION»)

The article raises a number of scientific and practical problems, actualized by the widespread use of the «agglomeration» category in the text of «Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025». The author presents his views on the place of agglomerations in the spatial structure of society, the difficulties of their interdisciplinary study, the methods for identifying agglomerations and describing their structure, the approaches to regulating agglomeration processes in Russia and its Far Eastern region. Attention is drawn to the risks associated with the high uncertainty of the consequences of strategic transformations of the Russian space.

Spatial development, strategy, agglomeration, city, Russian Far East

Введение

В прошлом году в России стало одной стратегией больше: 13 февраля 2019 г. правительством была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – СПР). Не принадлежа к учёным сообществам географов и экономистов, автор этого текста считает себя свободным от нелёгкой обязанности давать развёрнутую профессиональную оценку этому объёмному документу со сложной и запутанной теоретической подноготной. Однако осознание потенциально огромной прикладной, общественно-политической значимости СПР побуждает высказаться по некоторым частным (и, тем не менее, крайне важным) пунктам в её содержании.

В данной работе я хотел бы затронуть ряд научно-практических вопросов, связанных с широко используемой в тексте СПР категорией «агломерация». Этот ряд включает в себя следующие вопросы:

1. Место, занимаемое агломерациями в пространственной структуре общества.
2. Агломерации как объект междисциплинарных исследований.
3. Методы выделения агломераций и выявления структуры городского пространства.
4. Городские агломерации как объект регулирования.

Место агломераций в пространственной организации общества

То, что в долгожданной стратегии так много внимания уделено крупным и крупнейшим городским агломерациям – это, конечно, позитивный признак, говорящий о движении федеральной власти в правильном направлении. По меньшей мере он свидетельствует о том, что разработчики СПР знакомы с одним из трендов современных пространственных практик и исследований и стремятся увязать с ним цели государственной политики. Несколько настораживает другое. По прочтении СПР создаётся впечатление, что в агломерациях видят некое самоочевидное и безусловное благо, новое чудесное лекарство от разнообразных бед российского пространства, прежде всего – пугающей неравномерности его социально-экономического развития. Не присутствуем ли мы при рождении очередной интеллектуальной научно-бюрократической моды, которые раз за разом возникают в ответ на неистребимое желание найти простую отмычку, подходящую ко всем замкам?

Делающим ставку на агломерирование как на инструмент пространственной политики необходимо учитывать, что универсальность и однозначность этому инструменту не свойственны. Любая городская агломерация может не только интегрировать и ускорять развитие социально-экономических систем – она способна также их деформировать и разрушать. Даже в случае «органического» возникновения агломерации в ходе эволюционного уплотнения внутреннего пространства национальной или региональной системы в определённый момент сверхконцентрация ресурсов и связей может привести к такой разнице потенциалов между урбанистическим центром и его окружением, которая превратит первый в своего рода «чёрную дыру». Это происходит тогда, когда исходящие из агломерации импульсы технологического и экономического развития перестают не только превосходить, но и компенсировать растущие объёмы выкачиваемых ею из окружающей среды населения и материальных ценностей. В результате подобный рост за счёт периферии, её социально-экономического (и зачастую одновременно экологического) опустынивания приводит саму агломерацию к застою и деградации. Наиболее ярким примером этого являются катастрофы городских цивилизаций древности (долины Инда, Месопотамии и Мезоамерики), погибших в результате переэксплуатации и комплексного истощения подвластных территорий. Можно, разумеется, возложить от-

ветственность за их гибель на специфические («азиатские», «имперские») внеэкономические механизмы урбанизации. Однако действительно ли мегаполисы капиталистических обществ застрахованы от повторения такого сценария в той или иной его форме? Содержат ли «рыночные» центр-периферийные отношения¹ какие-либо встроенные ограничители акселерируемых ими процессов углубления пространственного неравенства?

Риск деформирующего воздействия агломераций особенно высок для Дальнего Востока России, социально-экономическое пространство которого сравнительно молодо, тонко и разрежено. И в своей наиболее освоенной – южной – части макрорегион всё ещё не «наработал» достаточно плотной сети производственных, торговых, транспортных, расселенческих и иных связей. Поэтому форсированные мерами государственного стимулирования образование слишком крупных полюсов роста (таких, как дающая свыше 1% ВВП Владивостокская агломерация, упомянутая в СПР) может легко обратить вспять хрупкие процессы интеграции в рамках макрорегиона и расширить пространственные разрывы внутри него. Переток населения северных и сельских территорий Дальнего Востока во Владивосток и другие города дальневосточного юга, стягивание в них бизнесов, рабочих мест, транспортной и социальной инфраструктуры активно идут с 1990-х гг. Примеры же обратного движения – трансляции развития на периферию – единичны и разрознены. Если правительство приложит дополнительные усилия к повышению привлекательности «Большого Владивостока», то среднесрочное ускорение его роста вполне возможно, но оно будет оплачено дальнейшим оскудением дальневосточной провинции и исчезновением с карты десятков сельских населённых пунктов². Для того, чтобы рост не оказался простым перераспределением и моделью пространственного развития российского Дальнего Востока не стал «Тришкин кафтан», политике агломерирования здесь должны быть присущи сугубые осторожность и постепенность.

Безусловно, агломерирование Дальнего Востока России «изнутри» – это лишь один из вариантов пространственного развития. Вмещающая социально-экономическая система, её внутренняя структура – это не единственно возможная база для формирования крупного города. Городская агломерация может иметь межрегиональный или международный характер. Она может быть обязана своим ростом трансграничным эффектам смежности двух и более систем, взаимодополнительности их различий, встречному мультиплицированию сложности их структур [5, с. 31–37]. В современном мире есть немало примеров бурной урбанизации в условиях приграничья³. Именно к этому типу – трансграничных (транзитных) агломераций – принадлежат в большинстве своём так называемые «мировые города». Этот путь градообразования не вполне чужд и России, ранняя история которой разворачивалась вокруг торговых центров, возникших на международных евразийских коммуникациях («из варяг в греки» и «из варяг в арабы») [4, с. 104–129]. Упование на приграничное положение как на ключевой фактор развития городов и территорий явно прослеживается в тексте СПР. Особенно определённы эти ожидания в отношении Владивостока, который прямо именуется «центром международного экономического сотрудничества»⁴.

Трудно не согласиться с тем, что «выращивание» агломераций на границах Дальнего Востока России с его плотно освоенными соседями – это объективно более перспективный ва-

¹ Стоит ли напоминать о том, насколько политизирована современная «рыночная экономика»?!

² Только за первое десятилетие XXI в. на Дальнем Востоке исчезли почти две сотни деревень [9].

³ Самый успешный «кейс» такого рода – города, выросшие в пределах центральной оси развития Европейского региона, со времён Римской империи одновременно являвшейся и его главным пограничьем [10].

⁴ 2010-е гг. ознаменовались возрождением интереса местных властей к заявленной ещё в начале 1990-х идее трансформации Владивостока в центр трансграничной агломерации или даже мировой город. См., например, [7].

риант пространственной стратегии для макрорегиона. Однако и с ним сопряжён целый спектр возможных рисков. Одна из таких опасностей состоит в отрыве трансграничной агломерации от систем, с которыми она связана своим происхождением. Города подобного типа имеют тенденцию к образованию сети, живущей по своим наднациональным (для начала – неписанным) законам, закрытого глобального клуба для избранных. Другая (в наших условиях более реальная) угроза – ассиметричная интеграция, социально-экономическое «втягивание» агломерации в наиболее динамичную из сопредельных систем, обладающую большей гравитационной силой. Предпосылкой трансграничной агломерации должна быть сопоставимость потенциалов материнских систем и общность их долговременных интересов, иначе плоды со-развития будут с неизбежностью сосредотачиваться в границах одной из сторон¹. Вместо драйвера совместного роста агломерирование на границах вполне способно стать фактором углубления международного неравенства и закрепления за слабейшим его участником роли периферии внешнего центра.

Таким образом, агломерирование – это мощный механизм трансформации социально-экономического пространства, результат работы которого зависит от множества обстоятельств. И, судя по всему, государственная стратегия и политика являются среди них далеко не самыми весомыми. Именно поэтому уже на этапе разработки документов стратегического планирования государство должно прояснить хотя бы наиболее опасные из возможных объективных последствий своего вмешательства в работу этого механизма.

Агломерации как объект междисциплинарных исследований

Появление всё новых теоретических описаний города, созданных в рамках различных социальных дисциплин, давно перестало быть показателем поступательного движения науки. Обилие этих параллельных, не сообщающихся описаний скорее дезориентирует и ограничивает исследователя, вынуждая его делать выбор, который является заведомо односторонним и познавательно ущербным. Попытки же теоретического синтеза, подведения разнородных описаний города под некую объединяющую модель успехом пока не увенчались.

На мой взгляд, решения теоретических и методологических проблем междисциплинарной интеграции знания следует искать на концептуальном уровне. Пытаться соединить в связный нарратив теоретические картины объекта, изначально написанные на разных дисциплинарных языках, – занятие неблагодарное, если не бесплодное. Целостная теория сложного объекта может возникнуть только на базе единого метадисциплинарного (в идеале – общенаучного) языка.

Структурной, синтагматической основой этого общенаучного языка могли бы послужить принципы системного подхода [2]. Однако, исходной проблемой общего языка науки является его семантика, то есть объективно, сущностно обоснованное содержание его понятий. Именно способность к логическому упорядочению содержательно корректно определённых понятий выступает критерием структурной (различающей) эффективности научного языка и его пригодности для теоретических обобщений.

При этом первоочередного внимания требуют к себе родовые понятия. Главной концептуальной слабостью понятия «город» (и производного понятия «городская агломерация») является отсутствие у него сущностной дефиниции, которая была бы однозначно соотносима с определениями таких наддисциплинарных категорий, как «социальная система», «социаль-

¹ Для Дальнего Востока такое ассиметричное распределение результатов сотрудничества, к сожалению, не ново [3].

но-историческая система» и «социально-пространственная система». Пока представители социальных наук, включая их «пространственное» и «историческое» семейства, не придут к согласию относительно содержания и логической соподчинённости родовых для них категорий, все усилия по междисциплинарному синтезу отраслевых теоретических знаний будут блокироваться их концептуальной несоизмеримостью.

Методы выделения агломераций и выявления структуры городского пространства

Классические эмпирические методы географии – зонирование и районирование – вряд ли утратят актуальность в изучении современных городских агломераций. Ведь, по сути, это пространственные модификации таких общенаучных методов группировки первичных данных, как классификация и типологизация. Вместе с тем, поскольку агломерация представляет собой высокодифференцированную, структурно гетерогенную форму пространственной организации общества, в её изучении нельзя обойтись без картографирования дискретных, линейно-узловых объектов. Выявление и взаимоналожение инфраструктурных сетей (транспортных, информационных, институциональных) позволяют уточнить каркас и границы агломерации.

Наиболее же перспективным направлением эмпирических исследований городов, способным существенно повысить их точность и прогностичность, является анализ «больших данных». Мониторинговая (в реальном времени) обработка массивов количественных данных, собираемых средствами технического контроля, открывает возможность перехода от статических описаний агломераций к динамическим, потоковым. Фиксируя на «больших данных» изменения в частоте, интенсивности и плотности массовых социальных акций, интеракций и ресурсных перемещений, можно обнаружить новые векторы агломерационных процессов, не получившие пока зримого, инфраструктурного оформления [1; 8].

Технологии big data применимы и в решении проблемы корреляции материальных (вещных и поведенческих) и ментальных границ городского пространства. Ведь объективное транспортное, производственное, торговое и т.п. тяготение поселения к центру агломерации не всегда признаётся коллективным сознанием (или бессознательным) его жителей, более привлекательными, престижными, значимыми для которых могут оставаться другие центры. С помощью трекинга социальных коммуникаций и потокового анализа медиа-контента в сети Интернет такие факты сознания, духовно-географические ориентации и пространственные идентичности можно реконструировать и картографировать.

Использование методов анализа big data в пространственных исследованиях сегодня сдерживается высокой стоимостью соответствующих технических средств и программного обеспечения. В то же время огромные объёмы данных этого типа (видеонаблюдение, геолокация, интернет-трекинг) уже собраны, структурированы и хранятся на серверах региональных и местных органов власти (там, где реализуются программы «умных городов»), а также ведомств (МВД, Минэкономразвития, ФНС, Минприроды и др.). Ввиду разных ограничений (обычно объясняемых требованиями безопасности) эта информация используется редко и в целом неэффективно, а по истечении нормативного срока хранения просто уничтожается. Вовлечение этих данных (в обезличенном, кодированном виде) в научный оборот значительно повысило бы их ценность [6]. Власть должна поделиться с учёными информацией, чтобы в ответ учёные могли предложить ей новые знания и технологии управления.

Городские агломерации как объект регулирования

В решении вопросов управления агломерациями следует начинать с признания того, что их генезис – это в основе своей стихийный процесс. Его масштабы и сложность таковы, что никакое современное государство (и особенно столь лимитированное в своих ресурсах как российское) не в состоянии создавать крупные городские сети в директивном порядке, даже в горизонте стратегического планирования. Пределом для государственного креационизма являются малые городские поселения, образующиеся вокруг бюджетных инвестиционных проектов. Способом же воздействия государства на городские агломерации выступает именно регулирование, то есть косвенное, индикативное управление через стимулирование/дестимулирование процессов урбанизации пространственным распределением тарифных и нетарифных преференций. Цель этой регулятивной политики скромна: ускоряя развитие одних территорий, государство должно позаботиться о том, чтобы оно не оборачивалось торможением роста, а тем более упадком других.

Функции стратегического управления в этой сфере (и в области пространственного развития в целом) необходимо сосредоточить в руках специального федерального органа исполнительной власти (межведомственной комиссии с участием представителей Федерального Собрания и учёных). Этот орган призван определять оптимальные места приложения федеральных преференций и инвестиций, исходя из их вероятного долгосрочного воздействия на социально-экономическое развитие и неравенство российских регионов.

Что касается оперативного управления агломерированием, то первым шагом в этом направлении могло бы стать создание координирующих органов из администраторов городских округов и муниципалитетов, которые (согласно потоковым исследованиям фактической и перспективной связности пространства) тяготеют к вхождению в агломерацию. В течение переходного периода, необходимого для уточнения границ, оценки устойчивости агломерации и выяснения целевой степени её централизации, должны быть конкретизированы состав координирующего органа, набор его полномочий и юридический статус. В случае подтверждения благоприятности эффектов агломерирования (ускорение развития всех его участников и отсутствие деструктивного воздействия на периферию) после проведения локального плебисцита может быть создана новая административно-территориальная единица с единой системой институтов управления. Полагаю, что в условиях расширения и интенсификации агломерационных процессов преобразования административно-территориального деления (АТД) России неизбежны. Однако желательно, чтобы они производились по запросу «с мест», от частного к общему и в ответ на публично артикулированную управленческую необходимость. При всех изменениях АТД очень важно сохранить максимально возможную прозрачность границ, избежать появления лишних административных, бюджетных и социально-психологических барьеров между территориями, входящими в состав агломераций и остающимися за их пределами. И духовно, и практически процесс интеграции российского пространства должен восприниматься как непрерывный. А всякая возникающая в ходе этого процесса периферийность – как временная и относительная.

Заключение

В заключение представленных выше беглых заметок считаю необходимым ещё раз подчеркнуть важный, по моему мнению, тезис. Планомерные и долгосрочные пространственные преобразования – это очень мощное, а значит потенциально и очень опасное, рискогенное средство управленческого воздействия на общество. Мы всё ещё довольно мало знаем о свойствах и функционировании социально-географического пространства и особенно о возможных отдалённых эффектах хирургического вмешательства в его живую ткань. В условиях, когда многие

инструменты реализации СПР сами являются весьма слабо структурированными проблемами, каждое крупное решение, принимаемое в процессе «кройки и шитья» российского пространства, должно подвергаться многостороннему научному аудиту и общественному обсуждению. Ни то, ни другое не может гарантировать успешности управления пространственным развитием такой страны, как Россия. Но других способов страхования от разнообразных рисков этого развития у нас просто нет.

Список литературы

1. Города, управляемые данными. От концепции до прикладных решений. URL: <https://roscongress.org/materials/goroda-upravlyaemye-dannymi-ot-kontseptsii-do-prikladnykh-resheniy/> (дата обращения: 30.08.2019).
2. Губанов Д.А., Макаренко А.В., Новиков Д.А. Методы анализа терминологической структуры предметной области (на примере методологии) // Управление большими системами. 2013. № 43. С. 5–33.
3. Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 8–21.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. 572 с.
5. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
6. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
7. Ткаченко Л. Трансграничный Владивосток. Величиной в агломерацию. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3579/40201/transgranichnyy_vladivostok (дата обращения: 30.08.2019).
8. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
9. Шульгин А. За 10 лет с карты России исчезло 186 деревень Дальнего Востока. URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/za-10-let-s-karty-rosi-ischezlo-186-dereven-dalnego-vostoka.html> (дата обращения: 30.08.2019).
10. Rokkan S. Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development // Building States and Nations: Models and Data Resources. Vol. 1. Ed. by S. Eisenstadt, S. Rokkan. London: Sage, 1973. Pp. 73–91.

References

1. *The Data-Driven Cities. From Concept to Application Solutions*. Available at: <https://roscongress.org/materials/goroda-upravlyaemye-dannymi-ot-kontseptsii-do-prikladnykh-resheniy/> (accessed 30 August 2019). (In Russian)
2. Gubanov D.A., Makarenko A.V., Novikov D.A. Methods of Analysis of the Terminological Structure of the Subject Frea (On the Example of Methodology). *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Management of Large Systems]. 2013. No. 43. Pp. 5–33. (In Russian)
3. Izotov D.A., Yun S.E. Cross-Border Cooperation as an Object of Scientific Research. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2011. No. 4. Pp. 8–21. (In Russian)
4. Klyuchevsky V.O. *Russian History. Complete Course of Lectures in Three Books*. Book 1. Moscow, 1993. 572 p. (In Russian)
5. Ryzhova N.P. *Economic Integration of Border Regions*. Khabarovsk, 2013. 352 p. (In Russian)
6. Savelev A.I. Problems of Application of Legislation on Personal Data in the Era of «Big Data». *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2015. No. 1. Pp. 43–66. (In Russian)

7. Tkachenko L. *Transborder Vladivostok. At the Size of the Agglomeration*. Available at: https://vladnews.ru/ev/vl/3579/40201/transgranichnyy_vladivostok (accessed 30 August 2019). (In Russian)
8. Urry J. *Mobilities*. Moscow, 2012. 576 p. (In Russian)
9. Shulgin A. *For 10 Years, 186 Villages of the Far East Disappeared from the Map of Russia*. Available at: <https://www.agroxxi.ru/stati/za-10-let-s-karty-rosi-ischezlo-186-dereven-dalnego-vostoka.html> (accessed 30 August 2019). (In Russian)
10. Rokkan S. Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development. In: *Building States and Nations: Models and Data Resources*. Vol. 1. Ed. by S. Eisenstadt, S. Rokkan. London: Sage, 1973. Pp. 73–91. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Киреев А.А. Агломерация как инструмент и проблема (заметки на полях «Стратегии пространственного развития РФ») // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 71–78. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.3.71>

For citing:

Kireev A.A. Agglomeration as a Tool and a Problem (Notes on the Margins of «Spatial Development Strategy of the Russian Federation»). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 3. Pp. 71–78. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.3.71> (In Russian)